

Ярослав Таран

СЛОВО – ЛЮБОВЬ

репетиция рождения

1

...как тупо лает ветер,
как трудно ставить точку...

Легко! Ты не в ответе
за рваный ритм, за сердце в клочья.
Простим друг друга,
наследник сна,
посредник смерти.

Что ты не знал...–
я даже в это стал бы верить!
Молчанья плетёшь не оставляет швов –
стегать удобно. Будь здоров!

Наследник сна,
посредник смерти,
свой отбываешь срок
на чёрно-белом свете.

Да будет сон твой вечен!
слепой посредник,
мой равнодушный почтальон,
мой бывший близкий...

2

НОЧЬ В ЛЕСУ

Язык надиктовал мой путь, где Слово – цель и сито; жизнь – сыпучий и священный материал; меня повёл в лесные дали, в лесную дикую страну–ловить губами радость риска; и я побрёл на горе близким по лунному лучу, играя, балансируя на гранях: бешенства и совершенства, бытия и быта, блажи и блаженства...

Эй, Смерть, ты не устала стучать во тьме, перекрывая жизненные планы? Иди ко мне, пади – согрейся на живой груди: я, сонную, жалеть тебя хочу! Монашенка в миру, промокшая бумажными слезами, продрогшая до нитки (а парка-баба всё ворчит, всё штопает твои одежды),– так просуши лохмотья чёрные, хоть ночку отдохни! С тобою бескорыстная возможна нежность...

Жизнь любя, пить дел её кисель я заставлял себя, но выползал обратно он сквозь обесчещенные губы. И сытый, стадный стыд наутро. И пахли буквы сладковатым формалином морга.

"Смирись же с нами, грешный! Жди-спи-ешь. Сиди здесь! тише рыб, пока не посветлеешь. А там, пожалуй, и дерзай, твори..."– шептали ведьмочки в крови. И звали за собой (из жалости к рабам!) в косноязычную счастливую страну. И предлагали тёплые гробы, из лучших видов мозговой коры. И цены, торговались, но снижали... "Бесплатно, даром, лишь возьми! Поэзия – гордыня, сон, соблазн! Вот эрос, наслаждение... Один лишь раз живём!" Клубились испарения навязчивых свобод... Выходило солнце.

3

Учусь ходить, учусь дышать,
тебя учусь не обижать:
учусь любить.

И я солгу, когда скажу,
что жизнью лишь тебе
обязан.

Но я люблю – теперь
я жив вдвойне!
И это – по твоей
молитве
и вопреки моей вине.

Тобою наполняюсь, пью
тебя, святое женское вино;
хмелею, снова пью!
О, я люблю! Жалею, значит, –
так говорили люди в старину.

И видишь, слышишь? Конь мой скачет,
красавец! он не виден никому,
тем паче
вернее не найти коня,
волшебней снов,
где так летать и верить нам легко!
Правдивей сказок и стихов
на свете ничего
и не было... Как я люблю тебя!

Я подведу к тебе прекрасного коня –
и он, гордец, носитель тайны слов,
храпя, огонь
копыт алмазных спрячет,
словно кошка – коготки;
и преклонив безумную главу,
перед тобою станет на колени –
таким, как Бог задумал.

4

Любовь не терпит суеты.
И мелочи и быт спалят её дотла.
А если жечь – то жечь мосты!
Но память наша зла.

По падающим балкам
тебя я вынесу из пекла...
Мы обожглись немножко... Ничего.
Представь, как было б жалко
песню, на лету не спетую...

Но душу жгут
непрощенные строчки:
"ты боль забыл,
ты выклянчил уют
и получил отсрочку,
от счастья ты ослеп:
ты кончился, поэт".

За эгоизма скользкий перепляс,
за незаслуженную передышку,
за исповедь публичную –
прости меня, Язык...

И в дебри черновые я пошёл –
и правил слово.
И слово медленно и верно
правило меня.

Мне не допить до дна
из чаши, где и дна-то нет,
горчащего вина
сомнительных побед.
Но счастлив я глотать
тоску из бездны Океана,
в солёных грёзах погибать,
когда покинут силы,
когда я плыть устану, –
таков закон пучины.

Со смертью тихо (перейдя на "ты")
пить чай, читать стихи,
не лебезя и не трясясь от страха.
(Она же – женщина! и суеты
поэту не простит.)
И от предъявленной цены,
шутя, размешивая сахар,
за разговором в скобки увести
её...

О, разве лишь мои
те страшные виденья,
та грозная стихия,
что ветром веры и огнём вины
прошла сквозь сердце,
смертное моё?
Я болен: аритмия.

Или – так бьётся
будущего песня? и Россия
всемирна и асимметрична?

В ночи,
расплавленной очами вдохновенья,
перехожу на личность...
Но личность выдохлась от лени –
и я тону
в стакане оправдательных сомнений.
И выдвигая разума претензии ко сну,
икает человек дневной.

Всё глубже ухожу ко дну,
всё реже я всплываю...
И за строкой растёт строка.
И время-конь бежит,
стегая плетью седока!
Не выиграть – не выжить.
И получаешь ты сполна,
и корчишься на шпаге
неутешительного зренья:
мстит мёртвая царевна
Икару за слова –
за то, что на бумаге
расколдовал её... на время.

ЭПИЛОГ

Глоток любви... – такой глоток,
чтобы взлететь в прозренья!
И возвращаться не в упрёк,
как мёртвый монумент, –
а в новой песне: между строк
передавать привет
тому, чей голос встрепенулся
и пения взалкал.
И видеть сны – и в этих снах
с Россией вместе быть –
на совесть, не на страх!
Взойдя на Высоту Свою, Она
помирит разделённый мир,
мне б дотянуться... а затем
полуденной звездой окунуться
в голубую немоту,
чтоб рваный ритм мой
не помешал другим
услышать пульс эпохи той.

1990, 1999